

УДК 811.1

DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2020.2.31

**ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ
ЛИДЕРА ПАРТИИ «АЛЬТЕРНАТИВА ДЛЯ ГЕРМАНИИ» А. ГАУЛАНДА
В МИГРАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ДЕБАТОВ
В НЕМЕЦКОМ ПАРЛАМЕНТЕ)**

© А. А. Инжечик

*Омский государственный технический университет
Россия, 644050 г. Омск, пр. Мира, 11.*

Тел.: +7 (913) 633 06 11.

Email: inshetschik_anna@mail.ru

Статья посвящена исследованию прагматического уровня языковой личности лидера правопопулистской партии «Альтернатива для Германии» Александра Гауланда в миграционном дискурсе на материале парламентских дебатов германского Бундестага. Актуальность данного исследования обусловлена значительным интересом ученых и общественности к миграционному дискурсу в связи с активизацией масштабных миграционных процессов в мире, а также пристальным вниманием филологов к проблеме изучения языковой личности и ее описанию в зависимости от вида текста в рамках персонологической генристики. В результате проведенного анализа были выявлены личностные и институционально-обусловленные коммуникативные стратегии и тактики языковой личности оппозиционного лидера.

Ключевые слова: *языковая личность, миграционный дискурс, миграционная лингвистика, коммуникативные стратегии и тактики, лингвоперсонология, персонологическая генристика, парламентские дебаты.*

В последние годы нет более актуального дискурса, провоцирующего столь бурную полемику, чем миграционный дискурс, вследствие наступившего в 2015 г. европейский континент миграционного кризиса. Основная тяжесть масштабного катаклизма пришлось на Германию, став причиной проявления интолерантности, мигрантофобии, праворадикальных настроений, нарастающего отчуждения к политическому истеблишменту у населения страны, повышения накала межпартийного соперничества, а также настоящим испытанием на прочность правительства канцлера Германии А. Меркель, на волне недовольства миграционной политикой которой праворадикальная популистская партия «Альтернатива для Германии» (АдГ) стала неотъемлемой частью политического ландшафта. Вызванные бурными миграционными потоками динамические языковые процессы обусловили формирование активно развивающегося в России и Европе междисциплинарного направления – миграционной лингвистики (М. Р. Желтухина [1], В. М. Костева [2], И. В. Хохлова [3], С. В. Шустова, Е. В. Исаева [4], Т. Stehl [5], L. Tretow [6], E. Gugenberger [7], A. Triandafyllidou [8] и др.), объектом изучения которой является весьма популярный в последнее время миграционный дискурс (В. И. Мухомель [9], Г. Х. Яфарова [10], Т. А. van Dijk [11] и др.). К исследованию дискурса, в т.ч., миграционного, могут быть различные подходы [12]. В нашем случае, наиболее эффективным является подход с позиции лингвистической прагматики, представляющей собой частную научную дисциплину, истоки которой кроются в различных лингвистических, философских и социальных традициях.

Миграционный дискурс, основными темами которого являются сложный экономический, обще-

ственно-политический и культурный феномен иммиграции населения, причины миграции, интеграция, ксенофобия, дискриминация, расизм, миграционная политика [11, р. 230], обладает своей спецификой и сложной структурой, включающей лингвистические, политические, социальные и культурные аспекты [11, р. 230]. Являясь самостоятельным типом дискурса, он находится на стыке с политическим дискурсом или рассматривается как его часть, обладая всеми присущими ему признаками и особенностями [9, с. 50–52] и выступая, в тоже время, в роли идеологического конструкта, формирующего определенные позиции общества и отношение к мигрантам [13].

При анализе миграционного дискурса возникает необходимость учета не только политической ситуации, но и субъективного фактора, диктуемого структурой языковой личности, ее личностными качествами, политическими взглядами, знаниями, потребностями, убеждениями, компетенцией и целевыми установками. Под языковой личностью понимается «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов)» [14, с. 38]. В нашем исследовании центральной фигурой, принимающей участие в реализации миграционного дискурса, выступает языковая личность лидера партии АдГ Александра Гауланда, рассматриваемая как конкретная комбинация элементов различных уровней языковой личности: вербального уровня, отражающего систему используемых языковых средств, когнитивного уровня, ответственного за концептуальную систему личности, а также интересующего нас мотивационно-прагматического уровня, включающего в себя совокуп-

ность взаимодействующих в речевом дискурсе универсальных и индивидуальных стратегий и тактик политика, анализ которых помогает выявить мотивы, установки и цели индивида [14, с. 238, 245]. При этом под коммуникативной стратегией понимается планирование адресантом последовательности конкретных действий для достижения поставленной цели, а коммуникативная тактика, в свою очередь, рассматривается как набор практических ходов для достижения определенных задач в заданных условиях коммуникации.

Прагматической системе языковой личности российских и зарубежных политиков посвящены работы П. С. Аникиной [15], М. В. Гавриловой [16], А. Е. Жижиной [17], М. Г. Цуцовой [18], Л. С. Чикилева [19] и др.

Глубокое исследование использования языка языковой личностью стало возможно благодаря подходу с позиции антропоцентрической научной парадигмы, которая начала постепенно складываться в последние десятилетия XX в., основываясь на принципе деятельности [20].

Ощутимый прилив интереса со стороны ученых к феномену языковой личности обусловил формирование лингвоперсонологии (теории языковой личности). Особенно актуальным и перспективным становится описание языковой личности политика в зависимости от вида текста (Textsorte) в рамках нового направления, оформившегося на стыке лингвоперсонологии и теории речевых жанров – персонологической генристики (термин В. В. Дементьева [21]), позволяющей не только охарактеризовать различные уровни реализации языковой личности, но и проследить зависимость варьирования тех или иных речевых характеристик от вида текста, ситуации коммуникации и образа адресанта. Представляется логичным, что для описания языковой личности политика более уместны устные диалогические виды текста, характеризующиеся высокой степенью спонтанности коммуникации и соответственно предполагающие максимально объективные результаты анализа. С этой точки зрения целесообразно проанализировать прагматический потенциал языковой личности А. Гауланда в контексте парламентских дебатов, представляющих собой устное монологическое общение с присутствием диалогических элементов. Материалом для исследования послужили протоколы пленарных заседаний Бундестага ФРГ в период с 2017 по 2019 гг. [22].

Являясь фрагментом институционального политического дискурса и регламентированным речевым взаимодействием с ярко выраженной иллюкативной и интерперсональной направленностью, парламентские дебаты (от франц. *débatte* «спорить», «биться», *débat* «прения»), в силу своей природы, обладают такими фундаментальными имманентными характеристиками как полемичность, конфликтность, агональность и аргументативность, преследуя при этом цель изменения когнитивных

установок оппонента и конклюдивного адресата, и, в конечном счете, достижения перлокутивной цели воздействия и убеждения в правомерности позиций оратора. В нашем случае полифония точек зрения, дисбаланс интересов и конфронтация мнений наблюдается между правящей элитой и оппозицией (партия АдГ). Кроме того, в парадигме исследуемой языковой личности лидера правых популистов частично нейтрализуется строгое противопоставление институционального и персонального дискурсов, поскольку в дискурсивной деятельности политика неотделимы друг от друга «Я-социальное» и «Я-индивидуальное» [18, с. 7], что является дополнительным способом характеристики А. Гауланда, позволяющим отделить стратегии индивидуального характера и институционально-обусловленные.

Являясь главой праворадикальной оппозиционной партии АдГ, А. Гауланд стремится удержать власть, упрочить достигнутые результаты, усилить политический вес партии, удовлетворить свои амбиции, привлечь сторонников и обеспечить себя электоральной поддержкой, осуществлять контроль за властью, просвечивать деятельность власти и вскрывать ее недостатки для корректировки политического курса, но в тоже время преследует цель «раскачать лодку», т.е. дестабилизировать политический режим для изменения состояния общества, ослабления страны и в конечном итоге смены политических сил в руководстве. Перечисленные интенции политика влияют на его дискурсивное поведение, систему стратегических и тактических предпочтений.

Представляя собой конфликтный тип языковой личности [23, с. 8], А. Гауланд демонстрирует в отношении политического противника открытую враждебность и в пылу дебатов проявляет себя прежде всего в выборе стратегии нападения с целью компрометации коммуникативного партнера, оскорбления человеческого самолюбия, подрыва авторитета, уязвления, выведения из равновесия и вынуждения к ответному выпадку. При этом видное место в его палитре инструментов занимает активно применяемая тактика обвинения, с помощью которой скандально известный политик огульно и без достаточных оснований обвиняет представителей политической элиты в некомпетентности, во лжи, в упущенных возможностях, в нелогичности, в бездействии и т.д. В приведенном ниже примере (1) А. Гауланд обрушивается на действующего германского канцлера с обвинением в ошибочном политическом курсе, вменяя ей чувство вины за раскол Европы и используя отрицательно маркированные номинации: *tiefe politische Spaltung Europas*, *Zerfall Europas*, *grenzenlose Aufnahmebereitschaft*: (1) *Das Ergebnis der Politik der Regierung Merkel ist eine tiefe politische Spaltung Europas. Die Politik der grenzenlosen Aufnahmebereitschaft hat den Zerfall Europas als politische und wirtschaftliche Union eingeleitet* [22] (Результатом политики правительства Меркель

является глубокий политический раскол Европы. Политика безграничного приема беженцев привела к развалу Европы как политического и экономического союза. – *Перевод науч.*

В следующем фрагменте одного из заседаний парламента оппозиционный политик реализует тактику сарказма, индуцирующую желательные для него негативные представления о дискредитируемом объекте: (2) *Sie stand ihrem Innenminister aber keineswegs bei, sondern kündigte eine europäische Lösung an. Frau Bundeskanzlerin, wenn Sie nächste Woche feststellen, dass es im Kanzleramt hereinregnet, werden Sie wahrscheinlich keinen Dachdecker rufen, sondern eine europäische Lösung anstreben* [22] (Однако она (А. Меркель) ни коем образом не заступилась за министра внутренних дел, а огласила европейское решение. Госпожа канцлер, когда вы на следующей неделе узнаете, что Федеральную канцелярию заливают дождем, Вы, вероятно, вызовете не кровельщика, а будете ожидать европейского решения. – *Перевод науч.*). В данном примере (2) лидер АдГ, не скрывая своего истинного отношения к А. Меркель, подвергает ее деятельность критике, «переходит на личности», умаляя авторитет канцлера на политическом поприще, представляя ее в саркастическом ключе, утрируя негативный образ и высмеивая ее нерешительность в принятии важных решений, отсутствие четкого мнения, нежелание брать на себя большую ответственность. Используемые средства когезии (например, адверсативный союз *sondern* и др.) обеспечивают логическую последовательность сообщений, формируют бессознательные установки и наращивают эмоциональный потенциал речи оратора.

Вместе с тем А. Гауланду свойственно артикулировать свою позицию в категоричной форме и утверждать свое видение необходимых политических действий по стабилизации ситуации в стране, поэтому отправитель высказывания прибегает к тактике дискредитирующего оппонента побуждения, пытаясь ниспровергнуть политического конкурента, вплетая в текстовый фрагмент выступления, организованный в форме совета, прогнозы и дискредитирующие сведения о деятельности А. Меркель. При этом под коммуникативным актом сожаления с оттенком иронии («*es tut mir leid*») и в вежливом призыве покинуть пост канцлера ФРГ, вербализуемом в форме сослагательного наклонения Konjunktiv II, завуалирована компрометация политического деятеля: (3) *Frau Bundeskanzlerin, Frau Merkel, es tut mir leid: Sie sind gescheitert, und einen Neuanfang wird es mit Ihnen nicht geben. Es wäre deshalb gut und richtig, wenn Sie diesen Platz räumen würden* [22] (Госпожа Федеральный канцлер, Госпожа Меркель, мне жаль: вы потерпели неудачу, и с вами не будет нового начала. Поэтому было бы хорошо и правильно, если бы Вы освободили место. – *Перевод науч.*)

Применяя тактику стигматизации, политик, не прибегая к объективной оценке, аргументации и

анализу, называет правящую коалицию «политической рукой исламского террора», тем самым активно вмешиваясь в процесс именования соперника, субъективно его опорочивая, вызывая к нему чувство антагонизма, неприятия, предубеждения и ненависти, провоцируя тем самым отток сторонников политической верхушки. Использование в речи визуальной наглядности в виде метафорической единицы «*politische Arm des islamistischen Terrors*» позволяет облегчить процесс понимания, оживить сухие факты и сделать речь экспрессивной, образной и запоминающейся: (4) *Wenn wir angeblich der politische Arm des Rechtsterrorismus im Parlament sind, wie das ein Staatsminister gesagt hat, dann wären Sie der politische Arm des islamistischen Terrors in diesem Land* [22] (Если мы являемся в парламенте так называемой политической рукой правого терроризма, как сказал государственный министр, тогда Вы – политической рукой исламистского террора в этой стране. – *Перевод науч.*)

Рассмотренная выше стратегия нападения является разновидностью манипулятивной стратегии [24, с. 99], применяемой для психологической обработки аудитории, создания нужных смысловых доминант, поворота нужным образом угла зрения на определенную ситуацию и влияния на общественное мнение. Так, праворадикальный популист объективирует тактику доведения ситуации до абсурда при помощи сравнения с союзом *als*, проводя знак равенства между политикой «открытых границ» и распахнутыми настежь зимой окнами, демонстрируя аудитории парламента и массовому адресату очевидную ошибочность и абсурдность политики А. Меркель и «помогая» избирателям сориентироваться в текущей ситуации, преподнося факты в нужном оценочном ракурсе: (5) *Sozialstaat und offene Grenzen – das kann niemals zusammen funktionieren. Das ist ungefähr so, als wenn man im Winter das Fenster aufreißt und zugleich die Heizung immer höher dreht, um die Temperatur zu halten* [22] (Социальное государство и открытые границы никогда не смогут вместе сосуществовать. Это примерно тоже самое, что распахнуть окна зимой и одновременно прибавить тепло батарее для поддержания температуры. – *Перевод науч.*)

Как известно, А. Гауланд четко реагирует на нарастание дезинтеграционных тенденций в Европейском союзе, легко адаптируется в условиях меняющейся динамической ситуации, являясь своеобразной лакмусовой бумагой настроений в обществе, проекцией социального недовольства, бесстыдно используя кризисные ситуации в своих интересах. Политик умело играет на струнах души граждан и порождает необходимые ему картины действительности для обнажения актуальных проблем в жизни общества, прибегая к тактике создания образа «темного настоящего»: (6) *Unser Land hat sich durch Masseneinwanderung massiv verändert. ... Blutrache und Messerattacken gehören inzwischen*

zu Deutschland. Die Polizei rät Frauen, nicht mehr allein zu joggen oder bei Dunkelheit nicht mehr ohne männliche Begleitung auf die Straße zu gehen [22] (Наша страна сильно изменилась из-за массовой иммиграции. <...> Кровавая месть и ножевые атаки теперь являются частью Германии. Полиция советует женщинам не бегать трусцой в одиночку или не выходить ночью без сопровождения мужчин. – *Перевод наш*). В данном отрывке (6) А. Гауланд при моделировании образа настоящего сознательно сгущает краски, используя вызывающие отторжение и страх слова-ярлыки *Blutrache, Messerattacken*, говоря о беспрецедентном всплеске преступности мигрантов в ФРГ, некогда являющейся островком стабильности и безопасности. Посредством данной тактики А. Гауланд демонстрирует безысходность ситуации, дискредитирует политику государства, сея страх, поднимая градус неприязни и агрессии к беженцам, вызывая тем самым у адресата состояние растерянности и дезориентации, препятствующее критическому анализу сложившейся ситуации.

Параллельно с рассмотренными стратегиями нападения и манипуляции действует усиливающая их стратегия положительного самопозиционирования, направленная на косвенную демонстрацию психических качеств политика, создание положительного впечатления о нем, самоутверждение его собственной фигуры, завоевание симпатии у публики и актуализацию ее доверия к говорящему, укрепление имиджа успешной личности, а также селебретизации его персоны.

Как показал материал, на первый взгляд А. Гауланд производит впечатление добродушного дедушки из рекламы сливочной карамели Werters Echte, но в то же время часто выступает как «коричневый подстрекатель», мышление которого сформировано манией величия, самолюбием и гордыней. После всех лет пребывания на политических задворках, он хочет выдвинуться на передний план, поэтому всеми способами привлекает к себе внимание, агрессивно нападая, нарушая все запреты и этические нормы, эпатируя публику граничащими с расизмом высказываниями, которые могли бы быть включены Дольфом Штернбергером и др. в «Словарь изверга» („Wörterbuch des Unmenschen“) [25]. Поэтому неудивительно, что излюбленной тактикой противоречивого А. Гауланда, является тактика эпатирования: (7) *Unter den Demonstranten befanden sich auch ein paar aggressive Hohlköpfe, die „Ausländer raus“ riefen und den Hitlergruß zeigten. – Ja, das hat gar keiner bestritten. – Das ist unappetitlich und strafbar* [22] (Среди демонстрантов находилось несколько агрессивных глупцов, кричавших «Иностранцы вон!» и салютовавших нацистским приветствием. – Да, никто не отрицает. – Это неаппетитно и наказуемо. – *Перевод наш*). В вышеприведенном примере оратор поднимает табуированную тему фашизма, характеризуя выкрики „Ausländer raus!“ и нацистские привет-

ствия как что-то неаппетитное, тем самым шокируя, эпатируя и скандализирует общественность. Подобные неполиткорректные высказывания А. Гауланда, воспринимаемые на фоне скучных выступлений многих политиков как глоток свежего воздуха, инициируют публичное обсуждение в СМИ, тем самым добывая партии АдГ все большей популярности.

Для упрочнения своих позиций А. Гауланд реализует тактику иллюстрации достижений с помощью суперлатива *stärkste*, указывая на превосходство партии АдГ, пробившейся всего за несколько лет в большую политику, начав путь от внепарламентского сообщества маргиналов и став третьей политической силой в парламенте: (8) *Wenn man die Zweitstimmen von Sachsen und Brandenburg addiert, stellt man fest, dass die AfD mit hauchdünnem Vorsprung stärkste Partei vor der CDU ist* [22] (Если добавить вторые голоса от Саксонии и Бранденбурга, то обнаружится, что АдГ является лидирующей партией с небольшим отрывом от ХДС).

Стратегия самозащиты применяется политиком с целью отвести нападки политиков-оппонентов, пытающихся избавиться от правого поветрия в Старом свете и обвиняющих партию АдГ в разжигании неонацистских настроений, представляющих серьезную угрозу существующему порядку. Для реализации данной стратегии А. Гауланд использует тактику парирования (фр. *parer* «отражать, отбивать»), искусно отражая нападки экс-председателя партии СДПГ Мартина Шульца и опровергая его доводы в споре: (9) *Martin Schulz: ... ist ein Misthaufen, und auf den gehören Sie in der deutschen Geschichte* [22] (М. Шульц: ... является навозной кучей, к которой Вы (А. Гауланд) принадлежите в немецкой истории). (10) *Alexander Gauland: Herr Abgeordneter Schulz, das ist nicht mein Niveau, auf dem ich mich mit Ihnen auseinandersetze ... Das, was ich gesagt habe, hat mit Faschismus überhaupt nichts zu tun, und das wissen Sie auch* [22] (А. Гауланд: Господин Шульц, это не мой уровень общения с Вами ... То, что я сказал, не имеет ничего общего с фашизмом, и Вы это знаете. – *Перевод наш*). В своем выступлении А. Гауланд назвал нацизм «пятном птичьего помета» в истории Германии, а затем выступил с резкой критикой миграционной политики бундесканцлера, получив в ответ жесткую отповедь от М. Шульца, заявившего, что партия АдГ действует неподобающим образом, и назвавшего праворадикального лидера «навозной кучей», противореча тем самым принципам политкорректности. Критику в свой адрес А. Гауланд встретил с улыбкой и полным равнодушием. Являясь умелым полемистом, не теряющимся под градом оскорбительных выпадов, и обладая речевой находчивостью, политик использует в приведенном фрагменте эффективную риторическую технику, заявляя о том, что это не его уровень общения, приписывая тем самым оппоненту невысокую коммуникативную грамотность, подвергая сомнению

его авторитет, компетенции и соответственно достоверность ранее приведенных М. Шульцем аргументов.

Другая составляющая А. Гауланда как ратора – умелое использование тактики рефрейминга (от англ. frame – «кадр», «рамка», «изменение рамки восприятия»), позволяющей изменить точку зрения на определенную ситуацию, расширяя привычные рамки ее восприятия: (11) *Lieber Kollege Kauder, Beleidigungen meiner Kollegin und der ganzen AfD würde ich lassen, denn es bringt Ihnen keine Stimmen. Dafür bringt es uns Stimmen. Insofern mag das eine sinnvolle Taktik sein. Aber bei Ihrer Politik müssen Sie das nicht machen – wir bekommen auch so Stimmen* [22] (Уважаемый коллега Каудер, я бы пропустил оскорбления в адрес моей коллеги и всей партии АдГ, потому что это не принесет вам голосов. Это принесет нам голоса. Таким образом, это может быть разумной тактикой. Но Вам не следует это делать в своей политике, поскольку голоса также получим мы. – *Перевод наш*). Так, в приведенном фрагменте (11), А. Гауланд не лакирует действительность, а пытается «сделать из лимона лимонад», т.е. посмотреть на проблемы в новом ракурсе и обнаружить в нанесенных оппонентами обидах перспективы для своей партии. По мнению политика, оскорбления не принесут противникам дивиденды, зато поспособствуют получению партией АдГ электорального преимущества.

Вместе с тем ультраправая популистская партия АдГ всячески старается отмежеваться от ассоциирующихся с фашизмом праворадикальных группировок, ведя борьбу за политическое влияние под флагом защиты немецкой идентичности и прав граждан и пытаясь придать антииммиграционной риторике респектабельный и благонадежный вид для формирования своей аудитории, подавляющая масса которой боится открыто поддерживать крайние неонацистские взгляды, опасаясь подвергнуться обструкции со стороны социума и получить ярлык «фашиста, антисемита и ксенофоба». Ввиду этого лидер АдГ обращается к направленной на окончание конфронтации и взаимовыгодную кооперацию стратегии компромисса, находящей свое воплощение в тактике похвалы. Стремясь к конструктивному диалогу и поиску точек соприкосновения, адресант выражает положительную оценку сделанному шагу консервативного блока ХДС/ХСС по миграционному вопросу, используя положительно коннотированное словосочетание *einen Schritt in die richtige Richtung tun*: (12) *Mit dem Kompromiss zwischen Herrn Seehofer und Frau Merkel hat die Union einen Schritt in die richtige Richtung getan, einen kleinen, offenbar unendlich schweren Schritt nur, aber immerhin* [22] (Благодаря компромиссу между г-ном Зеehoфером и г-жой Меркель Союзом был сделан шаг в правильном направлении, небольшой, судя по всему, бесконечно тяжелый шаг, но все же. – *Перевод наш*). Кроме того, в

тексте дебатов А. Гауланд прибегает к приему повторов, благодаря которым достигается значительная эмоциональность и убедительность сказанного. Повторы, как одно из действенных средств речевого воздействия в публичных выступлениях, широко используются не только политическими деятелями, но и в судебном дискурсе в речи адвокатов, судей, прокуроров [26].

В отличие от рассмотренной манипулятивной стратегии, направленной к иррациональному и эмоциональному в психике слушателя, аргументативная стратегия апеллирует к логике и разуму слушателя, к его способности критического осмысления соответствующих фактов окружающей действительности, сознательному восприятию системы оценок и суждений, что продемонстрировано в следующем отрывке выступления А. Гауланда в Бундестаге, посвященного распределению федерального бюджета Германии на 2019 г., в котором, в частности, идет речь об увеличении финансовых затрат на беженцев. В качестве неоспоримого аргумента политик приводит цифровые показатели, т.е. использует тактику приведения статистических данных для привлечения к проблеме внимания, придания словам авторитетности, объективности, достоверности, усиления персуазивного эффекта своей речи, а также демонстрации своей личной осведомленности по данному вопросу. Используемое аргументированное подтверждение высказываний характеризует адресанта как логически и конкретно мыслящего политического реалиста. (13) *Da ungefähr 1,5 Millionen tatsächliche und angebliche Flüchtlinge seit 2015 zu uns gekommen sind, wären das 45 Milliarden Euro im Jahr. Das Institut der deutschen Wirtschaft kommt auf 50 Milliarden. Das Kieler Institut für Weltwirtschaft auf bis zu 55 Milliarden* [22] (Поскольку с 2015 г. к нам прибыло около 1.5 млн. настоящих и мнимых беженцев, затраты составят около 45 млрд. евро в год. Институт германской экономики говорит о 50 млрд. евро. Кильский институт мировой экономики – о 55 млрд. евро).

Опасаясь, видимо, утомить слушателей и снизить их внимание монотонным перечислением скучных цифровых данных, А. Гауланд прибегает к тактике иллюстрирования, апеллируя к фактам и примерам, объективно отражающим картину бытия и являющимся надежным аргументом доказательства своей правоты: (14) *Sehen wir näher hin! Sonntag in Köthen: Zwei Afghanen schlagen einen Deutschen zusammen. Der Mann stirbt. – Samstag in Dortmund: Drei Männer, der Täterbeschreibung zufolge vermutlich Nordafrikaner, stechen einen Deutschen nieder. ... Donnerstag in Friedberg: 16-jähriger Syrer sticht am Bahnhof auf einen 18-jährigen Landsmann ein* [22] (Давайте более пристально рассмотрим ситуацию. Воскресенье, Кетен: двое афганцев избили немца. Мужчина умер. – Суббота, Дортмунд. Трое мужчин, согласно описанию преступников, предположительно, североафриканцы, зарезали немца.

... Четверг, Фридберг: 16-летний сирийец зарезал на станции 18-летнего соотечественника. – *Перевод наиш*). Недовольный складывающимся миропорядком, повышением уровня криминогенности политик выступает против бесконтрольной миграции и аргументирует необходимость ужесточения миграционного законодательства, используя синтаксическое средство перечисление, говоря о совершенных за последнюю неделю жестоких убийствах, изнасиловании, побоях, ограблениях, ножевых ранениях.

В отличие от выше рассмотренных стратегий, ориентированных в первую очередь на изменение отношения, взглядов адресанта, индивидуальная стратегия регулирования поведения направлена на изменение поведения непосредственно присутствующего политического противника. Не желая прерывать свое выступление в Бундестаге и вступить в полемику, лидер оппозиции использует в приведенном ниже примере (15) тактику подавления, преследует цель заставить молчать желающего задать попутный вопрос оппонента: (15) *Präsident Dr. Wolfgang Schäuble: Herr Kollege Gauland, gestatten Sie eine Zwischenfrage? [22]* (Господин Гауланд, разрешите задать Вам вопрос?). – *Dr. Alexander Gauland (AfD): Nein. Ich will geschlossen vortragen.* (Нет, я хочу делать доклад без дополнительных вопросов. – *Перевод наиш*).

Итак, в прагмалингвистическом плане для А. Гауланда, как конфликтного типа языковой личности, характерно применение стратегии нападения (тактики обвинения в ошибочном политическом курсе, сарказма, дискредитирующего оппонента побуждения, стигматизации), манипулятивной стратегии (тактики доведения ситуации до абсурда, создания образа «темного настоящего»), стратегии положительного самопозиционирования (тактики эпатирования, иллюстрации достижений), стратегии самозащиты (тактики парирования, рефрейминга), стратегии компромисса (тактика похвалы), аргументативной стратегии (тактики приведения статистических данных, иллюстрирования), а также индивидуальной стратегией регулирования поведения, актуализированной тактикой подавления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Желтухина М. Р. Миграционная медиалингвистика: конфликт vs кооперация в мультикультурной коммуникации // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: медиационные практики. Монография. Пермь: ПГНИУ, 2019. С. 5–21.
2. Костева В. М. Дискурсы миграции в лингвистике // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: медиационные практики. Монография. Пермь: ПГНИУ, 2019. С. 46–52.
3. Хохлова И. В., Собынина В. А. Языковая репрезентация миграции в немецких СМИ. М.: МПГУ, 2018. 167 с.
4. Шустова С. В., Исаева Е. В. Миграционная лингвистика: становление и развитие // Миграционная лингвистика в

5. современной научной парадигме. Монография. Пермь: ПГНИУ, 2019. С. 5–64.
5. Stehl T. Sprachen in mobilisierten Kulturen: Aspekte der Migrationslinguistik. Austria: Universitätsverlag Potsdam, 2011. 294 s.
6. Tretow L. Migrationslinguistik. Eine kritische Betrachtung von drei ausgewählten Forschungswerken von John Peterson, Thomas Krefeld und Utz Maas. Munchen: GRIN Verlag, 2017. 16 s.
7. Gugenberger E. Theorie und Empirie der Migrationslinguistik. Mit einer Studie zu den Galicieen und Galicierinnen in Argentinien. Austria: Forschung und Wissenschaft – Literatur und Sprachwissenschaft, 2018. 664 s.
8. Triandafyllidou A. Handbook of migration and globalization. USA: Edward Elgar Publishing, 2018. 487 pp.
9. Мукомель В. И. Российские дискурсы о миграции // Вестник общественного мнения. 2005. №1. С. 48–57.
10. Яфарова Г. Х. Новые обстоятельства как фактор становления эвфемизмов в языке политики (на примере современного миграционного дискурса немецкого языка) // Преподаватель XXI век. 2016. №2. С. 368–375.
11. van Dijk T. A. Discourse and migration // Qualitative Research in European Migration Studies. Switzerland: Springer Cham, 2018. Pp. 227–245.
12. Таюпова О. И. Совокупность современных подходов к исследованию дискурса // Вестник БашГУ. 2016. №3. С. 669–673.
13. van Dijk T. A. Discourse and Power. Contributions to Critical Discourse Studies, Houndsmills: Palgrave MacMillan, London, 2008. 308 pp.
14. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
15. Аникина П. С. Черты языкового портрета (на мат-ле инаугурационных выступлений Барака Обамы и Дональда Трампа) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2019. Т. 12. Вып. 1. С. 28–33.
16. Гаврилова М. В. Некоторые черты речевого портрета первого президента России Б. Н. Ельцина // Политическая лингвистика. 2012. №4(42). С. 17–23.
17. Жижина А. Е. Тактико-стратегическое своеобразие предвыборного дискурса Д. Трампа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. №7(85). Ч. 1. С. 127–133.
18. Цуцьева М. Г. Актуализация языковой личности политика в современном немецком политическом дискурсе: дис. ... д-ра филол. наук. СПб, 2018. 411 с.
19. Чикилева Л. С. Президентский политический дискурс как средство манипуляции: прагмалингвистический аспект // Российский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7 №1. С. 20–29.
20. Таюпова О. И. Антропоцентричность текстов масс-медийного дискурса // Российский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7 №3. С. 223–231.
21. Дементьев В. В. Персоналогическая генеристика // Жанры речи. Саратов: Наука, 2011. Вып. 7. С. 5–25.
22. Plenarprotokolle Deutscher Bundestag. URL: <https://www.bundestag.de/dokumente/protokolle/plenarprotokolle> (дата обращения: 24.11.2018).
23. Седов К. Ф. Типы языковых личностей по способности к кооперации в речевом поведении // Проблемы речевой коммуникации. Саратов: СГУ им. Н. Г. Чернышевского, 2000. С. 6–12.
24. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
25. Ich erkenne den Alexander Gauland von früher nicht wieder. URL: <https://www.welt.de/debate/kommentare/article169359613/Ich-erkenne-den-Alexander-Gauland-von-frueher-nicht-wieder.html> (дата обращения: 24.11.2018).
26. Таюпова О. И. Повторы и их роль в текстах различных дискурсов // Вестник БашГУ. 2019. №1. Т. 24. С. 220–224.

Поступила в редакцию 09.06.2020 г.

DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2020.2.31

**PRAGMALINGUISTIC POTENTIAL OF THE LANGUAGE PERSONALITY
OF THE “ALTERNATIVE FOR GERMANY” PARTY LEADER
A. GAULAND IN MIGRATION DISCOURSE
(ON THE MATERIAL OF GERMAN PARLIAMENTARY DEBATES)**

© A. A. Inzhechik

*Omsk State Technical University
11 Mira Avenue, 644050 Omsk, Russia.*

*Phone: +7 (913) 633 06 11.
Email: inshetschik_anna@mail.ru*

The article deals with the pragmatic level of the language personality of the “Alternative for Germany” right-wing populist party leader Alexander Gauland in migration discourse on the material of German parliamentary debates. The significance of the study is based on the considerable interest of scientists and the public in migration discourse in the context of the intensification of mass migration processes in the world, as well as the special attention of philologists to the problem of studying a language personality and its description depending on the type of text within the framework of personological genristics. As a result of the conducted research, personal and institutionally determined communicative strategies and tactics of the opposition leader’s language personality were identified.

Keywords: language personality, migration discourse, migration linguistics, communicative strategies and tactics, linguopersonology, personological genristics, parliamentary debates.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Zheltukhina M. R. Migratsionnaya lingvistika v sovremennoi nauchnoi paradigme: mediatsionnye praktiki. Monografiya. Perm': PGNIU, 2019. Pp. 5–21.
2. Kosteva V. M. Migratsionnaya lingvistika v sovremennoi nauchnoi paradigme: mediatsionnye praktiki. Monografiya. Perm': PGNIU, 2019. Pp. 46–52.
3. Khokhlova I. V., Sobyaniya V. A. Yazykovaya reprezentatsiya migratsii v nemetskikh SMI [Linguistic representation of migration in the German media]. Moscow: MPGU, 2018.
4. Shustova S. V., Isaeva E. V. Migratsionnaya lingvistika v sovremennoi nauchnoi paradigme. Monografiya. Perm': PGNIU, 2019. Pp. 5–64.
5. Stehl T. Sprachen in mobilisierten Kulturen: Aspekte der Migrationslinguistik. Austria: Universitätsverlag Potsdam, 2011.
6. Tretow L. Migrationslinguistik. Eine kritische Betrachtung von drei ausgewählten Forschungswerken von John Peterson, Thomas Krefeld und Utz Maas. Munchen: GRIN Verlag, 2017.
7. Gugenberger E. Theorie und Empirie der Migrationslinguistik. Mit einer Studie zu den Galicieen und Galicierinnen in Argentinien. Austria: Forschung und Wissenschaft – Literatur und Sprachwissenschaft, 2018.
8. Triandafyllidou A. Handbook of migration and globalization. USA: Edward Elgar Publishing, 2018.
9. Mukomel' V. I. Vestnik obshchestvennogo mneniya. 2005. No. 1. Pp. 48–57.
10. Yafarova G. Kh. Prepodavatel' XXI vek. 2016. No. 2. Pp. 368–375.
11. van Dijk T. A. Qualitative Research in European Migration Studies. Switzerland: Springer Cham, 2018. Pp. 227–245.
12. Tayupova O. I. Vestnik BashGU. 2016. No. 3. Pp. 669–673.
13. van Dijk T. A. Discourse and Power. Contributions to Critical Discourse Studies, Houndmills: Palgrave MacMillan, London, 2008.
14. Karaulov Yu. N. Russkii yazyk i yazykovaya lichnost' [Russian language and linguistic personality]. 7 ed. Moscow: izd-vo LKI, 2010.
15. Anikina P. S. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2019. Vol. 12. No. 1. Pp. 28–33.
16. Gavrilova M. V. Politicheskaya lingvistika. 2012. No. 4(42). Pp. 17–23.
17. Zhizhina A. E. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2018. No. 7(85). Pt. 1. Pp. 127–133.
18. Tsutsieva M. G. Aktualizatsiya yazykovoi lichnosti politika v sovremennom nemetskom politicheskom diskurse: dis. ... d-ra filol. nauk. Saint Petersburg, 2018.
19. Chikileva L. S. Liberal Arts in Russia. 2018. Vol. 7 No. 1. Pp. 20–29.
20. Tayupova O. I. Liberal Arts in Russia. 2018. Vol. 7 No. 3. Pp. 223–231.
21. Dement'ev V. V. Zhanry rechi. Saratov: Nauka, 2011. No. 7. Pp. 5–25.
22. Plenarprotokolle Deutscher Bundestag. URL: <https://www.bundestag.de/dokumente/protokolle/plenarprotokolle>.
23. Sedov K. F. Problemy rechevoi kommunikatsii. Saratov: SGU im. N. G. Chernyshevskogo, 2000. Pp. 6–12.
24. Karasik V. I. Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena, 2002.
25. Ich erkenne den Alexander Gauland von früher nicht wieder. URL: <https://www.welt.de/debatte/kommentare/article169359613/Ich-erkenne-den-Alexander-Gauland-von-frueher-nicht-wieder.html> (data obrashcheniya: 24.11.2018).
26. Tayupova O. I. Vestnik BashGU. 2019. No. 1. Vol. 24. Pp. 220–224.

Received 09.06.2020.